

Зрелое мастерство

Хотя творчество ленинградского актера народного артиста РСФСР Юрия Владимировича Толубеева находится в той поре, которую с полным основанием можно назвать зрелой, оно не останавливается в своем движении и в каждом спектакле, как будто впервые, радуется своей свежестям и новизной.

Есть актеры, которые поражают воображение смелостью вымысла, острой внешней характеристикой, изощренной тонкостью психологического рисунка. Толубеев не относится к их числу. Его искусство не изумляет своей неожиданностью и не впечатляет заостренным преувеличением. Оно покорило простотой и ясностью, сопрягает излучением жизни, неотразимо притягивает своей подлинной правдой.

Герои Толубеева несвойственны половинчатости. Душевная раздробленность и подробный самоанализ не привлекают актера. Его сценические создания почти всегда отличаются ясностью цельности облика, широтой внутренних масштабов. В его характерах трудно встретить преимущественное внимание к одной черте, преувеличение одного свойства за счет другого. Очень редко прибегая к совмещенной игре, Толубеев достигает при этом законченной выпуклости портрета. Никогда не злоупотребляя подробностями, он открывает образ во всей его полноте, во всем человеческом многообразии, во всей психологической сложности. Должно быть, поэтому его герои вызывают такое абсолютное доверие, обладают такой непреложной силой воздействия.

Творческая жизнь Толубеева сложилась удачно и протекала без особых потрясений или мотаний, в которых иногда незаметно расстраиваются впуская природные богатства. Толубеев не испытал творческого одиночества, недостатка ролей, — они как бы сами неслись к нему навстречу.

Самый список ролей, сыгранных Толубеевым, свидетельствует об интенсивности творческой жизни актера, о разнообразии его таланта. Горничал почва революционной дей-

Ю. В. Толубеев — Вожака («Оптимистическая трагедия»).

ствительности читала его Чапаева и командира партизанского отряда Листрата в пьесе Н. Вирты «Земля». Из реальной и волнующей жизни, окружающей актера, пришли на сцену в годы Великой Отечественной войны интеллигент новой формации, государственный деятель Мирон Гордов в пьесе А. Корнейчука «Фронт», командир Сафонов в «Русских людях» К. Симонова, молодой и бесстрашный председатель исполкома Колесников в «Напестини» Л. Леонова.

Но рядом с этими образами, в которых, казалось, все отвечало потребности, характеру, даже внешности актера, в разное время создавались им трогательный и ничтожный Иван Колосович в «Последних» М. Горького, бесслепый властолюбив и угодливый предатель Фазюнин в том же «Напестини», самодур и стяжатель Гордоничий в «Репинзоре». И кого бы ни играл Толубеев, в людях, созданных им на сцене, всегда можно безошибочно угадать их прошлое, их жизненную среду, их будущее.

Достаточно вспомнить его Гордоничего, не злодея и не глупца, страшного своей одержимостью стяжательства, своей зоркостью и праве безразлично распоряжаться судьбами людей. С какой естественностью сменялись у Толубеева грубый окрик и сладкий плач крадливости, торжественная напыщен-

Кадр из находящегося в производстве на студии «Ленфильм» фильма «Дон-Кихот»; в заглавной роли — Н. К. Черкасов, в роли Санчо Панса — Ю. В. Толубеев.

ность и злое отчаяние проведонного, осмеянного человека. Как будто набирая силы для прыжка, произносил он свой монолог, и отомкнулось жутко за тех, кто будет расплачиваться за его временное поражение.

Или вспомним Терентия в пьесе А. Донченко «Жизнь в цвету» — человека с грубыми, мозолистыми руками и доверчивым детским сердцем. Терентий на протяжении спектакля старел, обветренное лицо зарастало седой вьюшчатой бородкой, а сердце с его затаспанной тягой к красоте оставалось юным и преданным. Или — чеховского Дядю Ваню

с его бессмысленным бунтом русского интеллигента, не сумевшего «помирить себя с самим собой» и теперь растрачивающего свои незаурядные силы, свои пожизненные способности на подсчет доходов для бездарного Серебрякова. Какие губительные пласты жизни вставали за всеми этими, такими разными и такими живыми людьми!

В каждой своей роли Толубеев стремится не только рассказать о поступках человека, не только раскрыть его внутренний мир, но и обнаружить тайные дружеские поступки, объяснить их общественный смысл. Так происходит в образе купца Воронцова в спектакле «Пучина», образе крупном, монументом, на редкость объемном. Какие бы жестокие, неоправданные поступки ни совершал Воронцов Толубеев, мы видим в них не только личную злость, человеческую ненавистность, расчетливую корысть, а и верность тем законам, по которым живут все окружающие Воронцова люди. Если ты не возмешь за горло, тебя возмут: вот убогая нравственная норма, определяющая все поведение Воронцова. От этой глубины проникновения в самую суть характера возникает в спектакле неожиданное и смелое решение Воронцова последнего акта. Ограбленный, стиснутый нуждой, нищий, он в исполнении Толубеева тут-то и обретает впервые беззащитный душевный покой, человеческие чувства, убитые в нем прежде властью денег.

Крупно и зло, с подлинным чувством историзма, с беспощадной психологической точностью создал актер в нынешнем сезоне образ Вожака в «Оптимистической трагедии». Как всегда, у Толубеева внеш-

ний облик его героя создается не подробным гримом, но несколькими густыми мазками. Угрюмая полоска лба, резко срезанный угрюмым чубом, тяжелый, остановившийся взгляд маленьких, глубоко спрятанных глаз, резкая линия злого подбородка. Его медлительные движения человека, знающего себе цену, сдержанная несомность его редких слов, его мрачная сила, вытекающая из человекоуниверсальной философии — «свек под корень» — особенно страшны потому, что в их основе лежит реальная предпосылка, индивидуальная сложность характера. В этом сильном и плетивом властолюбиво видна предельная, бескрайняя опустошенность. Не когда парад расстрелом он, казалось, бесстрашный, сильный человек, открывает свое лицо, искаженное

зверинной, биологической жаждой жизни, когда мы слышим его пронзительно жалкий крик — А-ле-о-ша-а!, молящий о помощи, мы узнаем всю шаткость силы, за которой вот ничего, кроме жажды власти, инстинкта самосохранения.

Этот образ — цельный, по-своему трагичный — просвет ярий контрастный отблеск на Комиссара, идущего на смерть ради блага будущих поколений. И достигается это той внутренней сдержанной силой, той художественной экономией средств, какие приходят к актеру только в пору его идейной и творческой зрелости.

Для Толубеева эта пора наступила. Тем с большим сожалением ждем мы его новых созданий.

Р. БЕНЬЯШ

Ю. В. Толубеев — Несчастливцев, А. Ф. Борисов — Счастливцев («Лес»),